

Экран телефона загорелся, прокрутив несколько сообщений, остановился на последнем: [Господин, то, что он может сделать, я сделаю лучше.]

Очарование любовника заключается в том, что им можно играть, не заглядывая в будущее. Но если подойти слишком близко и следовать слишком плотно, это становится раздражающим.

Сун Цзиньчэнь выключил телефон, насыпал рис в кастрюлю и начал варить кашу. Белые зёрна погрузились в почти кипящую воду, бурля и источая густой аромат зерна.

Таймер тикал, а Сун Цзиньчэнь постукивал пальцами, вспоминая, что наверху его ждёт тот, кто носит в себе его семя, и что есть семейные дела, требующие решения. Он снова разблокировал телефон и набрал номер.

Благодаря помощи Сун Цзиньчэня, который стал для Чу Хуаня чем-то вроде скрытого преимущества, вопрос с переводом в новую школу решился быстро.

Нужно было лишь сдать вступительный экзамен, и он мог начать обучение. Что касается документов и прочих формальностей, их тоже обещали быстро уладить. Чу Юй не рассказал брату о помощи Сун Цзиньчэня, а лишь сказал, что с большим трудом удалось выбить это место. Он велел ему хорошо себя показать.

Результаты экзамена Чу Хуаня оказались как ожидаемо, так и неожиданно хорошими. Изначально его должны были зачислить сразу, но Сун Цзиньчэнь посоветовал Чу Юю не спешить.

— Я посмотрел его оценки. Твой брат умный. Летние каникулы уже близко, и вместо того чтобы тратить время с первокурсниками, пусть лучше подтянет знания и сразу пойдёт на второй курс. Скажем, что это перевод, и всё будет выглядеть прилично.

Чу Юй подумал и согласился, что это разумно. Он передал слова брату, и Чу Хуань восхитился мудростью и смекалкой старшего брата. Чу Юй с удовольствием принял похвалу и долго хвастался.

Но пока Чу Хуань не сел за парту, Чу Юй чувствовал себя неуверенно и решил остаться в Пиншане. Сун Цзиньчэнь оказал ему огромную помощь, и, если они не будут жить вместе день и ночь, следя за ним взглядами и прикосновениями, он боялся, что тот передумает.

Два человека, столь разные по характеру, оказались под одной крышей. К счастью, у каждого были свои дела, и они не доходили до точки, где бы начали раздражать друг друга. Их дни не были наполнены мелочами, только ужины и сон, а между ними — никогда не надоедающие ласки.

Чу Юй не мог контролировать свои чувства, как воду, вытекающую из его влагалища. Его

эмоции были откровенными, с лёгкой ноткой грусти и притягательной кислинкой. При виде Сун Цзиньчэня радость вытекала из всех его пор, окутывая всё тело влагой. Через тонкую латексную плёнку он скакал на члене Сун Цзиньчэня, как на коне, а его огромные яички, словно сёдла, хлопали по ягодицам. В момент оргазма их тела сливались так плотно, будто между ними образовался вакуум, который расширился, сжимая чувства, а затем резко отпуская, как бумага, сжатая до предела и возвращающаяся в исходное состояние.

Такая игра могла продолжаться всю ночь, и Чу Юй становился всё смелее, обычные методы уже не могли его напугать.

Его аппетит и сексуальное желание росли. По ночам он жаловался на боль в ногах, и Сун Цзиньчэнь велел тётушке Чжоу готовить блюда, богатые кальцием и витаминами. Чу Юй жадно поглощал кальций и семя, а на улице впитывал солнечный свет. Его кожа стала ровного медового оттенка, впалые щёки наполнились, появилась мягкость, которую можно было сжать, а при улыбке в уголках губ появлялись маленькие ямочки, словно от сахарной пудры.

Но Чу Хуань, напротив, начал чахнуть.

После того как вопрос с переводом был решён, он переехал из школы домой. Чу Цзюньхун, освободившись, рыдая, извинялся перед сыновьями за свой позорный и безнравственный поступок. Однако, когда Чу Хуань, не выдержав его мольб, отдал деньги, которые дал брат, Чу Цзюньхун снова изменился в лице и исчез.

Куда он потратил деньги, было очевидно. Чу Юй знал это, но не придавал значения: если небольшая сумма могла заставить его исчезнуть, то это было даже к лучшему.

Но это не было долгосрочным решением. Его аппетиты росли, и в приступах ярости он становился всё более безрассудным. Этот беспомощный, жалкий и ненавистный человек мог только валяться в ногах у своих сыновей и угрожать самоубийством.

Чу Хуань временно не мог никуда уйти. Если Чу Цзюньхун не находил его, он шёл к одноклассникам и устраивал сцены. У Чу Юя тоже не оставалось выхода.

Сун Цзиньчэнь заметил, что его малыш в последнее время выглядит озабоченным, но на вопросы тот лишь качал головой и застенчиво улыбался.

Судя по дням, приближались месячные, и настроение было не самым лучшим. Через несколько дней всё подтвердилось, и Чу Юй стал похож на одинокую лужицу, его глаза всегда были влажными, когда его заставляли в одиночестве.

После очередной схватки с родным отцом Чу Юй молча вернулся в Пиншань. Сун Цзиньчэнь не любил, когда на нём были синяки, поэтому он не давал волю гневу, чтобы не избить Чу Цзюньхуна. На самом деле он и не хотел драться, выплёскивать злость. Он уже понял: дракой эту проблему не решить.

Сун Цзиньчэнь вернулся рано. После того как необходимость в поиске новых любовниц отпала, он перестал часто посещать вечеринки. Последняя простуда далась ему нелегко, и врач посоветовал ему меньше пить, ведь ему уже почти сорок, поэтому он также сократил деловые встречи.

— Сяо Чу вернулся? — Тётушка Чжоу, готовя ужин, выглянула из кухни. — Проголодался? Давай, иди сюда!

Чу Юй повесил сумку через плечо и зашёл в кухню.

— Поможешь мне попробовать суп? — Тётушка Чжоу, родом с юга, говорила мягко и медленно.
— Осторожно, горячий!

Чу Юй взял маленькую миску, в которой плавали кусочки курицы и ямса в молочно-жёлтом бульоне. Он осторожно пригубил, и насыщенный аромат супа разлился по его горлу, пар увлажнил его глаза.

— Вкусно? — спросила тётушка Чжоу.

Чу Юй кивнул, и она выключила огонь — суп нужно было немного потомить, прежде чем разливать по тарелкам. Она убрала пустую миску и ложку, собираясь вымыть их.

— Рада, что тебе нравится. Когда ты ешь с аппетитом, я просто счастлива.

Позиция Чу Юя в этом доме была странной: он не был ни хозяином, ни гостем. Тётушка Чжоу занималась бытовыми вопросами для всех, кто жил в доме, и видела самых разных людей. Сун Цзиньчэнь держал её, потому что она искренне заботилась о каждом, кто временно поселялся здесь, не любила сплетни и думала только о еде и чистоте.

Если бы этот дом действительно был его домом... — подумал Чу Юй. Если бы он мог жить так: приходить домой к горячему ужину, жить в просторном и светлом доме, где кто-то заботится о его предпочтениях, где есть поцелуи и объятия.

— Господин уже вернулся, он в кабинете, — сказала тётушка Чжоу.

Чу Юй кивнул и поднялся вверх к Сун Цзиньчэню. Тот стоял перед шкафом, рассматривая картину, висящую на верхней ручке. Чу Юй, как кошка, подкрался сзади и медленно прижался лицом к его локтю.

Сун Цзиньчэнь поднял руку и зажал его в локтевом сгибе.

— Не надо! Я грязный! — Чу Юй пригнулся и отстранился. Он весь день мыл машины, и от него

пахло тряпками и моющим средством.

Сун Цзиньчэнь не стал его удерживать, а указал на картину:

— Посмотри на это. Я хочу повесить её в спальне.

Чу Юй взглянул на картину. На ней был изображён обнажённый человек, широко расставивший ноги перед окном с луной. Очень простые линии, и, если бы не странная поза, её мог бы нарисовать даже школьник. Эротический подтекст проявлялся лишь после небольшого размышления, создавая бесконечные ассоциации: был ли этот человек, чей пол невозможно определить, занят самоудовлетворением или совокуплением с луной.

— Не понимаешь? — спросил Сун Цзиньчэнь, не упрекая, а скорее намереваясь объяснить.

Чу Юй сначала почувствовал что-то тёплое, но, видя, что Сун Цзиньчэнь весь в низменных мыслях, понял, что они не смогут поговорить о возвышенных чувствах.

— Как хочешь! — Чу Юй покраснел и убежал, направившись в главную ванную.

— Моешься? — Сун Цзиньчэнь, казалось, последовал за ним, остановившись в коридоре. — Скоро ужин, поешь сначала, не брезгую твоим запахом.

Чу Юй, сидя на раковине, открыл кран и сделал вид, что не слышит.

Чу Юй не мог придумать решения, только терпеть.

<http://bllate.org/book/15448/1370467>